

А.А. Кокошин*

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ И РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО-ДИВЕРСИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ ПЕРЕД НАПАДЕНИЕМ НА СССР**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

70-летний юбилей окончания Второй мировой войны вновь вывел вопросы, связанные с причинами, характером и последствиями этого конфликта, в центр как академических дискуссий, так и крайне идеологизированных споров среди политиков и в средствах массовой информации. Активизируются попытки пересмотреть итоги главного противостояния XX в. и роль в нем Советского Союза. Целью статьи является анализ сравнительно малоизученного аспекта подготовки нацистской Германией нападения на СССР, связанного с деятельностью органов немецкой разведки. В научный оборот впервые введен ряд ранее неопубликованных документов российских и немецких архивов. В статье подробно проанализированы работа разведслужб вермахта, а также разведывательно-диверсионная деятельность Абвера. Автор выделяет несколько факторов, обусловивших высокую эффективность немецкой тактической и оперативной разведки: широкое использование новейших технических изобретений; наличие большого числа профессиональных шифровальщиков и экспертов, занимавшихся аналитической обработкой информации; хорошо отлаженный механизм взаимодействия разведчиков и офицеров-операторов. При этом автор подчеркивает, что, исходя из общего характера военного планирования нацистской Германии, ориентированного на блицкриг, внезапное нападение на Советский Союз и быстрый разгром Красной армии, стратегической разведке уделялось гораздо меньше внимания. Данное обстоятельство, а также идеологически предвзятое отношение Гитлера и его окружения к Советскому Союзу привели к фатальной недооценке лидерами Третьего рейха советского военно-промышленного и экономического потенциала. Эти просчеты обернулись в итоге разгромом немецкой армии

---

* *Кокошин Андрей Афанасьевич* — академик РАН, академик Российской академии ракетных и артиллерийских наук, доктор исторических наук, профессор, декан факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: from-kokoshin@yandex.ru).

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-31-12089 «Политико-стратегическое содержание планов Третьего рейха в отношении СССР».

в ходе Великой Отечественной войны и крахом нацистского режима в Германии.

Ключевые слова: Германия, Третий рейх, СССР, Великая Отечественная война, Вторая мировая война, разведка, авиаразведка, радиоразведка, стратегическая разведка, разведывательно-диверсионная деятельность, Абвер, оперативное искусство, стратегия.

22 июня 1941 г. нацистская Германия, обладавшая одной из самых мощных и эффективных военных машин в мировой истории, после тщательной и интенсивной подготовки совершила нападение на Советский Союз. В тяжелейшей борьбе, стоившей огромных жертв, СССР удалось одержать выдающуюся победу, предопределившую развитие международных отношений на многие десятилетия вперед.

Великой Отечественной войне посвящено множество разнообразных исторических исследований. Интерес к этому конфликту не только не ослабевает, но и, напротив, в преддверии 70-летия победы во Второй мировой войне усиливается на фоне нарастания напряженности на международной арене и стремления различных международных игроков пересмотреть итоги главного противостояния XX в. В последние годы российская историография пополнилась целым рядом фундаментальных трудов, в том числе энциклопедического характера [Великая победа, 2011–2015; Великая Отечественная война 1941–1945 годов].

Однако некоторые вопросы до сих пор, по нашему мнению, остаются освещенными явно недостаточно. К их числу относятся и деятельность различных видов разведслужб Третьего рейха накануне и в самом начале войны, развязанной Германией против СССР. Доступные сведения на эту тему довольно фрагментарны и в целом скудны, что ставит ученых перед необходимостью поиска дополнительной информации в германских и отечественных архивах. Одна из таких успешных попыток расширения фонда источников была предпринята в рамках реализации на базе факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова исследовательского проекта «Политико-стратегическое содержание планов Третьего рейха в отношении СССР» под руководством профессора В.А. Золотарева, участником которого является и автор настоящей статьи. В ходе работы в германских и отечественных архивах коллективу удалось обнаружить целый ряд документов, которые в ряде случаев уточняют традиционные представления. Цель данной статьи состоит в том, чтобы, используя в том числе этот массив новых данных, дать максимально взвешенную оценку деятельности органов немецкой разведки перед нападением Германии на СССР.

При подготовке вторжения германская сторона вела разведывательную деятельность в широких масштабах по целому ряду направлений. Основную роль при этом играли Абвер — служба военной разведки и контрразведки, входившая в систему Верховного командования вермахта (ОКВ; Oberkommando der Wehrmacht, ОКВ), служба связи и радиоразведки сухопутных войск вермахта, органы авиаразведки люфтваффе (ВВС). В Генеральном штабе Верховного командования сухопутных войск вермахта (ОКХ; Oberkommando des Heeres, ОКН) имелся также отдел «Иностранные армии Востока», который играл важную роль в оценке получаемых из различных источников данных о вооруженных силах Советского Союза¹. Абвер при этом, по ряду свидетельств, активно занимался не только сугубо военной, но и политической разведкой². Политическая стратегическая разведка в отношении СССР осуществлялась VI отделом Главного управления имперской безопасности (РСХА; Reichssicherheitshauptamt, РСХА), входившего в систему СД и СС [Höhne, 1970: XII—XIII], а также разведслужбой Министерства иностранных дел («бюро Риббентропа»).

В данной статье главное внимание уделено работе разведслужб вермахта и разведывательно-диверсионной деятельности Абвера. Нельзя не отметить, что и Абвер, и «бюро Риббентропа» осуществляли активные дезинформационные мероприятия в отношении советского партийно-государственного руководства и военного командования, особенно с конца 1940 г. Эти усилия были беспрецедентными по размаху и изощренности. К сожалению, в значительной мере они увенчались успехом, обеспечив для вермахта не только полную тактическую, но и оперативно-стратегическую внезапность.

* * *

Разведывательную деятельность осуществляли соответствующие органы Третьего рейха в рамках стратегических установок рейхсканцлера и фюрера Германии Адольфа Гитлера, которые были связаны с длившейся на протяжении многих лет подготовкой нападения на СССР. (В частности, как убедительно показал в своем труде профессор Берлинского университета имени Гумбольдта Р.-Д. Мюллер, в 1934—1935 гг. на самом высоком уровне в Германии и Польше рассматривали варианты совместной войны против Советского Союза. После смерти польского президента Й. Пилсудского Вар-

---

¹ См.: The Service. The memoirs of general Reinhard Gehlen. N.Y.: World Publishing Times Mirror, 1972. P. 28—29.

² Ibid. P. 37.

шава отдала предпочтение более тесным связям с Францией, и работа над немецкими проектами прекратилась [Müller, 2015: 47–67].) Особенно эта подготовка интенсифицировалась после разгрома Франции и ее союзников весной–летом 1940 г. Ставку в войне против СССР делали на скоротечную кампанию — блицкриг, что весьма ярко было отражено в подписанной А. Гитлером 18 декабря 1940 г. Директиве № 21 («план Барбаросса»)³. Эта кампания была нацелена на полный разгром советских вооруженных сил и уничтожение Советского государства, в результате чего Германия приобретала бы на востоке «жизненное пространство» для последующего заселения немецкими колонистами. При этом колонизация должна была сопровождаться уничтожением десятков миллионов жителей СССР и полной ликвидацией советской интеллигенции.

Оперативное искусство вермахта в планах войны против Советского Союза было направлено на проведение нескольких «котловых битв» — крупномасштабных действий по окружению основных группировок советских войск в «котлах» с решающей ролью подвижных соединений и объединений, танковых войск. Соответствующим образом формулировались и задания разведывательным службам вермахта.

Немецкая радиоразведка возникла и активно развивалась в сухопутных войсках Второго рейха еще в ходе Первой мировой войны. В тот период этой службой были достигнуты значительные успехи, подчас имевшие оперативное значение, однако в соответствии с положениями Версальского договора она должна была быть ликвидирована. При этом допускалось лишь существование подразделений подслушивания в новых дивизионных батальонах связи в рейхсвере Веймарской республики. Руководство рейхсвера создало под вывеской этого нового подразделения компактную, но высокопрофессиональную службу радиоразведки. Большую роль сыграл в этом полковник Эрик Фельгибель, инспектор войск связи с 1934 г. [Арази, 1997: 395]. В 1941 г. Э. Фельгибель имел звание генерал-майора и был одним из наиболее влиятельных офицеров в Генеральном штабе сухопутных войск вермахта, о чем свидетельствуют многочисленные записи в дневниках начальника Генштаба генерал-полковника Франца Гальдера⁴. Накануне Второй мировой

---

³ Fall Barbarossa. Dokumente zur Vorbereitung der faschistischen Wehrmacht auf die Aggression die Sowjetunion (1940–1941). Berlin, 1970. S. 140–144.

⁴ Так, 28 апреля 1941 г. Ф. Гальдер в своем дневнике записал: «Генерал Фельгибель: (а) Связь между передовыми отрядами с ОКХ будет осуществляться через передовых офицеров-наблюдателей, снабженных коротковолновыми передатчиками. Роты подслушивания и радиоперехвата (б) линии связи Венгрию. Задачи в Восточном Средиземноморье. “Барбаросса”». См.: Гальдер Ф. Военные дневники. Т. 2. 1940–1941 / Пер. с нем. М.: АСТ, СПб.: Terra Fantastica, 2003. С. 597–598.

войны, много занимаясь развитием средств связи во всех звеньях управления, Э. Фельгибель одновременно добился семикратного увеличения численности личного состава одних только стационарных пунктов подслушивания. По его заказу и в соответствии с разработанными им тактико-техническими требованиями немецкой промышленностью была создана специальная подслушивающая и радиопеленгующая аппаратура (до этого использовались стандартные радиоприемники) [Арази, 1997: 396].

Наряду с пунктами и ротами подслушивания, предназначенными преимущественно для обслуживания стратегического и оперативного звеньев управления, Э. Фельгибель организовал взводы близкой разведки (ВБР) в разведывательных подразделениях дивизий для обеспечения тактического звена. Эти ВБР должны были в военное время добывать информацию местного значения, не перегружая этим оперативную разведку. В 1938 г. в специальном служебном документе была зафиксирована тщательно отработанная «Доктрина радиоразведки сухопутных войск вермахта» [Арази, 1997: 396].

Первая проверка возможностей этой службы в военных условиях состоялась в ходе гражданской войны в Испании, в которой в разном качестве участвовало большое число немецких военнослужащих. Не менее успешно радиоразведка действовала во время польской кампании, в том числе при решении крупных оперативных задач. Как и предвидел еще в 1927 г. выдающийся отечественный военный теоретик и военачальник А.А. Свечин [Кокошин, 2013: 246–247], Польша стала первой жертвой Германии во Второй мировой войне. При нападении вермахта на Францию и ее союзников в 1940 г. радиоразведка уже через несколько дней добилась ряда значительных результатов. Что особенно важно, полученные радиоразведкой сведения немедленно использовались в оперативном звене руководства войск вермахта. Накануне нападения гитлеровской Германии на СССР части радиоразведки оперативного звена были приданы трем группам армий («Север», «Центр», «Юг»). С учетом опыта кампании 1940 г. на западе и на Балканах весной 1941 г. было отработано более тесное сотрудничество с общевойсковыми армиями и четырьмя танковыми группами. Боевые действия в июне 1941 г. показали, что в результате использования данных радиоразведки эффективность, например, 2-й и 3-й танковых групп (Г. Гудериана и Г. Гота) значительно повысилась. Перехваченные сообщения по радио о том, что советские части распадаются и испытывают трудности с транспортом, позволили группе армий «Центр» пойти на риск, закрыть «котел» с войсками

Западного фронта силами одной пехоты, а танковую группу еще до окончания данной операции бросить в направлении Слоним–Витебск [Арази, 1997: 401].

Средствами радиоразведки вермахта непосредственно перед нападением гитлеровской Германии на СССР подробно были вскрыты дислокация частей и соединений ВВС РККА, их состав, даже тактико-технические характеристики самолетов [Кокошин, 2014: 19]. Тактическая и оперативная радиоразведка позволила определить боевые порядки ВВС РККА; она отслеживала перемещение советских авиационных частей, работу системы снабжения. Радиоразведка вермахта внесла значительный вклад в определение потенциальных целей для ударов люфтваффе по аэродромам советских ВВС⁵.

Считается, что значительные результаты были получены немецкой радиоразведкой накануне Великой Отечественной войны и в ее начале применительно к тактическому и оперативно-тактическому звеньям управления сухопутными войсками РККА в оперативной глубине⁶. Послевоенный анализ работы немецкой радиоразведки в тот период показал, что в дивизионном звене войск Красной армии имелся острейший дефицит хорошо образованных и профессионально подготовленных радистов; это не давало им возможности пользоваться достаточно сложными и стойкими шифрами. Значительно лучше дело обстояло в этом отношении на более высоких уровнях управления, где имелось большое число квалифицированных шифровальщиков, обеспечивавших высокий уровень защищенности радиопередач [Арази, 1997: 400–401].

Одновременно службы связи вермахта принимали масштабные меры по защите информации, передаваемой по радио, в том числе с помощью роторных шифровальных машин «Энигма» [Бутырский, Ларин, Шанкин, 2013: 98–115]. Высокая степень защищенности сведений при этом давала возможность командующим и командирам, штабам вермахта смело и интенсивно пользоваться данным видом связи. В этом они значительно превосходили своих противников, в том числе командующих и командиров, штабы РККА. Эффективное использование радиосвязи было одним из важнейших условий успешности действий подвижных соединений, коор-

---

⁵ Praun A. German radio intelligence // All World Wars. Available at: <http://allworldwars.com/German-Radio-Intelligence-by-Albert-Praun.html> (accessed: 04.02.2014).

⁶ German traffic analysis of Russian communications. Army Security Agency. 1 May, 1946. Top Secret. Vol. 9. European Axis Signal Intelligence in World War II // National Security Agency. Central Security Service. Available at: <http://www.allworldwars.com/German-Traffic-Analysis-of-the-Russian-Communications.html> (accessed: 28.11.2014).

динации между родами сухопутных войск (артиллерией, танками, пехотой, инженерными частями), надежного взаимодействия люфтваффе с сухопутными войсками и т.д.

Советской разведке, в отличие от британской, перед началом гитлеровской агрессии не удалось проникнуть в тайны германских шифров и кодов [Анин, 2000: 59–60]. (Нельзя не отметить масштабность и интенсивность усилий британцев в этом направлении. Яркой демонстрацией этого может служить центр дешифровки Блетчли-парк в Челтнеме, где к концу войны работали около 12 тыс. военных и гражданских специалистов и обслуживающего персонала⁷. Масштабы усилий советской стороны в этой сфере были значительно меньшими. Это существенно снижало качество разведанных, получаемых советским государственно-партийным руководством и высшим военным командованием.) Как пишет Б. Анин, «...ни один из ключей самого распространенного немецкого шифрокода не был вскрыт советскими криптоаналитиками до начала гитлеровской агрессии против СССР» [Анин, 2000: 60]. По его словам, «еще более сложными для вскрытия оказались немецкие дипломатические шифры». Только после разгрома 6-й армии Ф. Паулюса под Сталинградом в руки советской разведки попали шифромашины, ключи к ним и связисты-шифровальщики, что значительно повысило возможности советской радиоразведки [Анин, 2000: 60].

---

⁷ Деятельность этого центра была в фокусе внимания премьер-министра У. Черчилля, главы британского «военного кабинета». В числе сотрудников центра, официально именовавшегося «Правительственная школа кодов и шифров», были выдающиеся математики: Алан Тьюринг, Гордон Велкман, Макс Ньюман, Тони Фаулер. Здесь были созданы специальная криптоаналитическая электрохимическая машина «Бомба» (Bomba) и первый в мире (в 1943 г.) электронный компьютер (на вакуумных лампах) «Колосс» (Colossus); руководителем последнего проекта был инженер Томми Фладэрс. В Блетчли-парк в том числе удалось расшифровать большое число немецких радиосообщений, в которых имелись конкретные планы операций против Красной армии. В тот период советская политическая разведка имела сильные агентурные позиции в Великобритании, прежде всего в лице «кембриджской пятерки», которой в определенной мере удавалось получать то, что добывали англичане путем радиоперехвата и дешифровки немецких радиোগрам. В первую очередь это относится к деятельности Дж. Кернкросса (который с 1937 г. сотрудничал с советской разведкой); он с весны 1942 г. начал работать по рекомендации московского центра в Блетчли-парке. Он имел возможность еженедельно передавать оригинальные копии расшифрованных в правительственной школе кодов и шифров немецких радиосообщений по военной проблематике [см.: Павлов, 2000: 243–245]. О личности и деятельности Дж. Кернкросса см. подробнее: Джон Кернкросс. Официальный сайт Службы внешней разведки. Доступ: <http://svr.gov.ru/history/kernkross.htm> (дата обращения: 25.08.2012); Долгополов Н. Неуловимый Джон // Совершенно секретно. Доступ: <http://www.sovsekretno.ru/articles/id/2965/> (дата обращения: 25.08.2012).

В вермахте очень большое значение придавали также авиационной разведке, особенно авиафоторазведке, которую осуществляли с применением оптики и фотопленки высокого качества, надежной фотоаппаратуры в целом. Для ведения авиаразведки в люфтваффе было выделено большое число самолетов.

Германские ВВС использовали не только специальные разработки ученых и инженеров, но и технические достижения общего назначения. По ряду оценок, перед началом Второй мировой войны Германия располагала лучшей в мире оптикой, фотоаппаратурой, а также фотопленкой, соизмеримой по качеству по крайней мере с фотопленкой американского производства. Были освоены технические способы быстрой обработки получаемых данных и передачи их от люфтваффе сухопутным войскам. Важную роль играло наличие высококвалифицированных кадров, занимавшихся аналитической обработкой получаемых немецкой авиаразведкой снимков [Кокошин, 2014: 19–20]. Масштабы осуществления авиафоторазведки в отношении СССР, советских вооруженных сил накануне нападения Германии на Советский Союз были огромными, причем речь шла преимущественно о разведдеятельности на глубину построения первого стратегического эшелона войск РККА, дислоцированных в приграничных военных округах.

Пока нет сведений о том, что дальнейшей авиационной разведке германских ВВС ставились задачи по разведдеятельности на большую глубину, в том числе применительно к крупным промышленным территориям в центральной части СССР, не говоря уже об Уральском регионе и Сибири. Это было связано с концепцией «молниеносной войны» (блицкрига) в отношении СССР и, соответственно, практическим отсутствием у люфтваффе стратегических бомбардировщиков дальнего действия — в отличие от ВВС Великобритании или США. Таким образом, немецкая авиаразведка давала своему командованию сравнительно ограниченный набор данных, в том числе не предоставляя сведений о реальных промышленных возможностях СССР.

Серьезным преимуществом авиаразведки вермахта в тактическом звене (а в ряде случаев и в оперативном) было наличие специального высокоэффективного самолета-разведчика «Фокке-Вульф-189» («Рама»), существенно повышавшего боевые возможности гитлеровских войск [Борисов, 2007]. Этот трехместный самолет мог выполнять задачи в самых неблагоприятных боевых условиях; он часто возвращался на свой аэродром с тяжелейшими повреждениями. «Рама» была достаточно маневренной, чтобы уклоняться практически от всех атак истребителей [Соболев, 1997: 304].

Для ведения постоянного наблюдения (и аэрофотосъемки) одних и тех же районов требовалось большое число самолетов-разведчиков. Кроме «Фокке-Вульф-189»⁸ в люфтваффе имелось много самолетов-разведчиков и других типов — 275 дальних разведывательных самолетов (Дорнье-17) и 356 иных самолетов-разведчиков — Хеншель-45, Хеншель-46 и проч. [Messerschmidt, 1988: 247–248]. Доля специальной разведывательной авиации была в люфтваффе в несколько раз выше, чем в советских ВВС [Великая Отечественная война. Т. 2, 2012: 47].

Учитывая предполагаемый маневренный характер войны против СССР, немецко-фашистское командование в декабре 1940 г. приняло решение о создании на базе имевшихся подразделений ВВС специальных эскадрилий ближней разведки. В марте 1941 г. они были переданы в подчинение командующих армиями и танковыми группами. Это решение, безусловно, повысило уровень обеспечения ударных объединений, соединений и частей вермахта своевременной и детальной объективной развединформацией.

Вопросам снабжения объединений и соединений сухопутных войск средствами авиаразведки большое внимание лично уделял начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Франц Гальдер. 29 марта 1941 г., заслушивая доклад соответствующих должностных лиц по подготовке боевых действий на Балканах, он записал в своем дневнике, как одной из армий и ряду корпусов придаются эскадрильи ближней разведки: «В подчинении 2-й армии — одна эскадрилья дальней разведки, одна эскадрилья самолетов связи, одна эскадрилья связи ВВС. При 51-м корпусе — одна эскадрилья ближней разведки; при 52-м корпусе — одна эскадрилья ближней разведки; при 46-м моторизованном корпусе — авиагруппа в составе одной эскадрильи ближней разведки, двух эскадрилий ближней разведки для танковых дивизий, одной роты связи ВВС»⁹. Далее Ф. Гальдер отмечал: «39-й корпус

---

⁸ Маршал Советского Союза И.С. Конев в своих воспоминаниях описывает дни последней декады апреля 1945 г., когда до конца войны оставалось две недели: «Вражеская авиация не могла действовать большими группами, но одиночные разведывательные самолеты все время летали над полем боя, в том числе летал и наш старый враг разведчик “Фокке-Вульф”, или, как мы его называли, “Рама”. Так что возможности для наблюдения, хоть и ограниченные, у немцев еще оставались. “Рама” доживала тогда свои последние дни. Но те, кто видел ее, не могли забыть, сколько неприятностей она доставила нам на войне. Я не раз наблюдал на разных фронтах действия этих самолетов — они были и разведчиками, и корректировщиками артиллерийского огня — и, скажу откровенно, очень жалел, что на всем протяжении войны мы так и не завели у себя ничего подобного этой “Рама”. А как нам нужен был хороший, специальный самолет для выполнения аналогичных задач!» [цит. по: Борисов, 2007: 42].

⁹ Гальдер Ф. Указ. соч. С. 518.

будет обеспечиваться авиацией, приданной 46-му корпусу. 12-я армия имеет восемь эскадрилий ближней разведки, в том числе четыре — для взаимодействия с танками. Дополнительно 8-й авиакорпус выделит две эскадрильи дальней разведки. Резерв — две эскадрильи ближней разведки в Бухаресте»¹⁰.

Что касается ВВС Красной армии, то, как отмечает в своем исследовании современный отечественный автор Д.Б. Хазанов, «разведывательная и корректировочная авиация исполняла в предвоенный период роль “золушки советских ВВС”, которая не получала ни современной материальной части, ни опытных экипажей» [Хазанов, 2006: 45]. Благодаря активной разведывательной деятельности гитлеровское военное командование было неплохо осведомлено о положении дел в этой части ВВС РККА. 22 февраля 1941 г. Ф. Гальдер в своем дневнике так оценил разведывательную авиацию советских войск: «...разведывательные самолеты — устаревших типов; радиус действия — около 300 км (у немецких самолетов новых типов — до 640 км). Скорость — 150–250 км/час»¹¹.

В германских вооруженных силах много внимания уделяли тому, чтобы данные аэрофотосъемки (и разведанные из других источников) не оставались в виде «коллекций» в высших штабах, а немедленно размножались и в требуемом количестве срочно рассылались в войска [Миддельдорф, 2001: 285]. Более того, еще в период польской кампании 1939 г. и кампании против Франции и ее союзников в 1940 г. в вермахте было тщательно отработано взаимодействие разведчиков и операторов. (Это, безусловно, можно отнести к «тонким характеристикам» любой системы боевого управления и на любом ее уровне — тактическом, оперативном, стратегическом. Как отмечает видный американский историк Эрнст Мэй, у западных союзников была совершенно иная картина: «Французские и британские разведслужбы поставляли данные на столы (в кабинеты) офицеров-операторов так, как будто они приносили им ежедневную газету» [Мау, 2000: 457]. Такого рода взаимодействие между разведчиками и операторами — один из худших вариантов совместной работы соответствующих подразделений штабов. Он нередко встречался в вооруженных силах различных стран в разные исторические периоды.)

По некоторым сведениям, А. Гитлер лично поставил задачу командиру разведывательной авиационной эскадры Г. Ровелю на ведение разведки над территорией СССР, считая, что советское руководство не отдаст приказа сбивать немецкие самолеты, нару-

---

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 449.

шившие воздушное пространство Советского Союза [Проектор, 1972: 263]. Расчет фюрера, как будет показано далее, к сожалению, полностью оправдался.

Генерал-фельдмаршал люфтваффе А. Кессельринг в своих воспоминаниях отмечал, что завоевание господства в воздухе германскими ВВС в первые дни войны против СССР во многом обеспечила «прекрасно проведенная аэрофотосъемка» (и в целом «непрерывная воздушная разведка»). Благодаря этому, по оценке А. Кессельринга, советские самолеты были в больших количествах поражены на земле¹².

К сожалению, успеху немецкой разведки во многом способствовал довоенный запрет высшего советского руководства сбивать гитлеровские самолеты, вторгавшиеся в воздушное пространство СССР. В Кремле, видимо, не понимали значения авиафоторазведки, катастрофически недооценивали тот ущерб, который был нанесен Красной армии такими практически беспрепятственными полетами немецких самолетов-разведчиков. В результате, по ряду оценок, люфтваффе смогли осуществить сотни разведывательных полетов над войсками приграничных военных округов РККА в предвоенные месяцы 1941 г. С октября 1939 г. по 22 июня 1941 г. немецкая авиация более 500 (!) раз вторгалась в советское воздушное пространство, углубляясь на 100–150 км [Хорьков, 1988: 49]. Как правило, эти полеты заканчивались тем, что по представлениям начальников соответствующих пограничных отрядов погранвойск НКВД германским (а также финским и румынским) пограничным властям раз за разом заявлялся протест¹³. И эти протесты раз за разом игнорировались.

К.К. Рокоссовский, занимавший к началу Великой Отечественной войны пост командира 9-го механизированного корпуса

---

¹² Кессельринг А. Люфтваффе: триумф и поражение. Воспоминания фельдмаршала Третьего рейха. 1933–1947 / Пер. с нем. М.: Центрполиграф, 2003 С. 130.

¹³ См.: Товарищу Сталину, товарищу Молотову, товарищу Тимошенко. «О неоднократных нарушениях германскими самолетами государственной границы СССР 15 апреля 1941 г.». Сов. секретно. Заместитель Народного комиссара внутренних дел Союза ССР генерал-лейтенант Масленников; тем же адресатам тот же автор: «О случаях нарушения границы СССР германскими самолетами 4 июня 1941 г.»; аналогично: «О неоднократных нарушениях германскими самолетами государственной границы СССР 5 июня 1941 г.»; Товарищу Сталину, товарищу Молотову. «О росте количества нарушений границы СССР самолетами Германии с 28 сентября 1939 г. по 10 июня 1941 г. и задержанных нарушителей границы со стороны Германии». Сов. секретно. 12 июня 1941 г. Народный комиссар внутренних дел Союза ССР Л. Берия; Генеральному комиссару государственной безопасности товарищу Берия. «О случаях нарушения границы СССР иностранными самолетами 21 июня 1941 г.». Генерал-лейтенант Масленников // Исторический архив. 1995. № 2. С. 7–10, 14, 16, 17, 20, 21 и др.

в Киевском особом военном округе (КОВО), писал: «Нередки были случаи пролетов немецких самолетов. Стрелять по ним было категорически воспрещено. Характерным был случай, происшедший во время полевой поездки. В районе Ровно произвел вынужденную посадку немецкий самолет, который был задержан располагавшимися вблизи нашими солдатами. В самолете оказались четыре немецких офицера в кожаных пальто (без воинских знаков). Самолет был оборудован новейшей фотоаппаратурой, уничтожить которую немцам не удалось (не успели). На пленках были засняты мосты и железнодорожные узлы на киевском направлении. <...> Обо всем этом было сообщено в Москву. Каким же было наше удивление, когда мы узнали, что распоряжением, последовавшим из Наркомата обороны, самолет с этим экипажем приказано было немедленно отпустить в сопровождении (до границы) двух наших истребителей. Вот так реагировал центр на явно враждебные действия немцев»¹⁴.

Ведение же советскими ВВС авиафоторазведки над территорией, занятой будущим противником, Наркомату обороны СССР категорически запрещалось высшим руководством страны, что существенно затрудняло для военных возможность своевременного вскрыть выход немецких войск на границу Советского Союза. Г.К. Жуков, занимавший в феврале–июле 1941 г. пост начальника Генштаба и заместителя наркома обороны СССР, позднее писал: «Могло ли руководство Наркомата обороны своевременно вскрыть выход вражеских войск на границу СССР — непосредственно в исходные районы, откуда началось их вторжение 22 июня? В тех условиях, в которые было поставлено военное руководство, сделать это было трудно. Нам категорически запрещалось ведение воздушной разведки, а агентурные данные запаздывали. К тому же, как стало известно из трофейных карт и документов, командование немецких войск произвело сосредоточение собственно на границах в самый последний момент, а его бронетанковые войска, находившиеся на значительном удалении, были переброшены в исходные районы только в ночь на 22 июня»¹⁵. Иными словами, накануне нападения на Советский Союз гитлеровское командование поступило точно так же, как и перед развертыванием наступательных действий на Западном фронте в мае 1940 г. против Франции и ее союзников. Очевидно, что такой опыт действий вермахта в 1940 г. не был должным образом оценен командованием РККА в 1941 г.

¹⁴ Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 29.

¹⁵ См.: Жуков Г.К. Воспоминания и размышления: В 3 т. Т. 1 / 10-е изд. М.: АПН, 1990. С. 363.

Исключительно важные сведения командование вермахта получило от своей авиафоторазведки о том, как будут действовать советские войска при нападении Германии на Советский Союз. Характер работ по возведению оборонительных сооружений вдоль границы СССР с Третьим рейхом позволил Ф. Гальдеру прийти к выводу о том, что советское командование не собирается делать ставку на стратегическую оборону с отступлением Красной армии вглубь страны.

Ф. Гальдер в своем дневнике 22 мая 1941 г. записал: «*Майор Вестерберг* (отдел аэрофотосъемки штаба генерал-инспектора войсковой авиации: демонстрация снимков, сделанных эскадрильей Ровеля над пограничными районами русских. Ясно видны большие работы по усилению обороны (особенно отрывка противотанковых рвов) вдоль границы. Многочисленные траншеи для кабельных линий связи свидетельствуют о наличии сплошного оборонительного рубежа. Аэрофотоснимки подтверждают наше мнение о решимости русских удержаться на границе»¹⁶. Далее в записях Ф. Гальдера за этот же день говорится о докладе представителя разведывательно-информационного органа ОКХ — отдела «Иностранные армии Востока»: «*Майор Шильдкнехт*; доклад о группировке русских сухопутных войск у немецкой границы. Войска сильно выдвинуты вперед. Оборонительная группировка состоит из трех групп армий»¹⁷. (Нельзя не отметить, что Ф. Гальдер эти войска Красной армии именует оборонительной группировкой.) Именно такая значительная выдвинутость вперед группировок РККА в наибольшей мере отвечала замыслам командования вермахта, ОКХ, делавших ставку, как было отмечено, на окружение крупных сил советских войск в первых же сражениях. Немецкие войска в совершенно иных географических и военно-стратегических условиях должны были реализовать летом 1941 г. то, что им удалось сделать в 1939 г. в Польше и в 1940 г. в отношении Франции и ее союзников, где в окружение попали крупные силы, также в значительной степени выдвинутые вперед.

Вариант оборонительно-отступательной стратегии в духе М.Б. Барклая-де-Толли и М.И. Кутузова в Отечественной войне 1812 года считался самым нежелательным для вермахта при оперативно-стратегическом планировании войны против СССР. Нельзя не вспомнить, что еще в 1927 г. упомянутый уже нами А.А. Свечин ратовал за подобную стратегию. Этот выдающийся военный теоретик обоснованно считал, что победить превосходящего по ряду

---

¹⁶ Гальдер Ф. Указ. соч. С. 664.

¹⁷ Там же.

параметров противника в будущей войне можно только в результате серии последовательных оборонительных сражений, после которых должно быть контрнаступление, переходящее в общее наступление [см.: Кокошин, 2013: 322–357]. Именно такую форму ведения боевых действий выбрало советское руководство летом 1943 г. применительно к Курской дуге, что, как известно, ознаменовалось крупным стратегическим успехом Красной армии [Кокошин, Ларионов, 1987]. С подобными же идеями в 1930-е годы выступали такие видные военные теоретики, как А.И. Верховский и А.А. Незнамов [Кокошин, 1995: 176–178]. А.И. Верховский, в частности, сопоставляя «схему» шлиффеновских «канн» и «схему Полтавы», ратовал за последнюю применительно к стратегии РККА в будущей войне. Для него «Полтава» была символом сознательного стратегического отступления, сознательного выбора стратегической обороны для последующего контрудара, контрнаступления, без которого невозможен разгром противника. А.И. Верховский писал о значительных политических выгодах оборонительной стратегии для СССР [Кокошин, 1995: 178–180].

Надежды на отсутствие у Красной армии отступательно-оборонительной стратегии и сохранение выгодной для стремительных наступательных операций вермахта конфигурации советских войск ярко демонстрировал в своих дневниках такой близкий к А. Гитлеру деятель, как министр пропаганды Третьего рейха Йозеф Геббельс. К величайшему сожалению, эти надежды нацистских руководителей Германии, командования вермахта в значительной мере оправдались, результатом чего стали тяжелейшие поражения Красной армии летом–осенью 1941 г., поставившие нашу страну на грань катастрофы.

* * *

Последние полтора-два месяца перед вторжением вермахта в СССР Абвер интенсифицировал засылку на советскую территорию многочисленных разведывательных и разведывательно-диверсионных групп. Их деятельность (как и радио- и авиаразведки) была нацелена на обеспечение действий вермахта в оперативном и тактическом звеньях. Операциям абверовских разведгрупп способствовала специфическая обстановка, сложившаяся в приграничной зоне. К.К. Рокоссовский в своих воспоминаниях писал: «В приграничных районах КОВО в то время происходили невероятные вещи. Через границу проходили граждане туда и обратно. К нам шли желающие перейти на жительство в СССР. От нас уходили нежелающие оставаться в пределах Советского Союза. <...> Передвижение в приграничной полосе таило в себе много неприятно-

стей для нас. <...> В этой же полосе свободно разъезжали на автомашинах переодетые в штатскую одежду немецкие офицеры, получившие разрешение нашего правительства на розыск и эксгумацию захороненных якобы здесь немецких военнослужащих»¹⁸. Нет никаких сведений о том, что подобного рода деятельность велась советскими командирами на сопредельной территории, занятой немецкими войсками, готовившимися к нападению на СССР.

В задачи разведывательных и разведывательно-диверсионных групп Абвера входило точное определение местоположения штабов дивизий, корпусов, армий, аэродромов, линий проводной связи, транспортных узлов и др.

Для ведения разведывательной, контрразведывательной и диверсионной деятельности против СССР с ноября 1940 г. были привлечены оперативные группы Абвера «Кенигсберг», «Варшава», «Краков», «Военная организация Финляндия». В марте–апреле 1941 г. при группах армий и армиях были сформированы диверсионно-разведывательные отделы «Абвер-1». Все органы разведки на востоке с 1 мая 1941 г. были подчинены единому штабу Абвера «Валли» [1941 год — уроки и выводы, 1992: 18]. Для диверсионных акций использовался абверовский полк особого назначения «Бранденбург-800» (в 1942 г. преобразованный в дивизию с тем же названием)¹⁹, националистические организации Западной Украины (прежде всего организации во главе с А. Мельником и С. Бандерой) и Прибалтики.

Согласно показаниям заместителя начальника «Абвера-2» полковника Э. Штольце группа «украинских националистов» во главе с бывшим полковником петлюровской армии Е. Коновальцем (кличка «Консул-1») стала работать на германскую разведку еще в 1925 г. Первоначально Е. Коновалец добывал сведения о военнополитическом положении Польши, а после 1939 г. его группа приступила к выполнению шпионско-диверсионной деятельности в Советском Союзе²⁰.

После оккупации Польши немцы освободили из тюрьмы Степана Бандеру, где он находился за подготовку покушения на польского министра внутренних дел Б. Перацкого. 11 февраля 1940 г.

¹⁸ Рокоссовский К.К. Указ. соч. С. 29.

¹⁹ Это разведывательно-диверсионное формирование было создано в 1939 г. под наименованием «строительно-учебная рота “Бранденбург”»; уже весной 1940 г. она трансформировалась в батальон [Абжаген, 1998: 225–226].

²⁰ Из протокола допроса бывшего начальника отдела «Абвер-2» полковника Э. Штольце о сотрудничестве руководителей ОУН А. Мельника и С. Бандеры с Абвером. 15 октября 1946 г. ЦА ФСБ. Н-20944. Т. 7. Л. 210–212, 218–221, 224–226. Подлинник.

С. Бандера смог захватить власть в Организации украинских националистов (ОУН), оттеснив своего соперника А. Мельника (последний создал при помощи немецких спецслужб «Национальную Раду Украины», боевики которой, как и бандеровцы, стали известны своей жестокостью в действиях на территории СССР) [Лузан, 2014: 235–236]²¹.

В Берлине осенью 1940 и весной 1941 г. Э. Штольце провел с руководителем ОУН серию встреч. В результате была достигнута договоренность о формировании С. Бандерой при поддержке Абвера «повстанческой армии» на территории Советского Союза²². По оценке Народного комиссариата госбезопасности Украины (в записке руководителю Компартии Украины Н.С. Хрущеву), «революционный провод ОУН, руководимый Степаном Бандерой, не дожидаясь войны, уже сейчас организует активное противодействие советской власти и всячески терроризирует население западных областей Украины»²³. В этой записке также отмечалось, что «основную силу ОУН составляет ядро нелегалов, которых в настоящее время в западных областях УССР учтено около 1000 человек»²⁴.

В обнаруженном в немецких архивах проекте задания для украинских националистических организаций, подготовленном для группы С. Бандеры, предусматривалось создание системы связи с Советской Украиной и Бессарабией, а в случае военных осложнений с СССР — образование партизанских групп. В круг их задач входили препятствование наступлению русских и нарушение их связи с тылом, для чего следовало:

- перерезать телефонные и электрические провода;
- арестовывать и ликвидировать комиссаров и офицеров;
- нападать на колонны обозов;
- уничтожать самолеты на аэродромах;
- прокалывать и резать автомобильные покрышки;
- совершать поджоги в местах расквартирования военных и тушить пожары на важных для немецкой армии объектах;
- охранять военные объекты, например бензохранилища, элеваторы, сельскохозяйственную технику (трактора и др.);
- распространять листовки и призывать к восстаниям²⁵.

Агентурная разведка велась Абвером на глубину 150–200 км, а на таких направлениях, как минское, киевское и ленинградское, —

---

²¹ Лузан Н. Лубянка. Подвиги и трагедия. М.: СВР-медиапроекты, 2014. С. 235–236.

²² Там же. С. 236–237.

²³ Там же. С. 237.

²⁴ Там же.

²⁵ Bundesarchiv-Militärarchiv — Федеральный военный архив Германии (далее — ВА-МА). RH20-11/485. Вл. 2. Копия.

300–400 км и более²⁶. Общее число агентов спецслужб накануне нападения Германии на СССР оценивается в 1596 человек, из которых 1338 действовали в Западной Украине, Прибалтике и Западной Белоруссии, остальные — на территории СССР в границах 1939 г. [Йоргенсен, 2012: 113; Великая Отечественная война. Т. 6, 2013: 372]. Значительная часть немецкой агентуры состояла из представителей западно-украинских, литовских, латышских и эстонских националистических организаций, тесно сотрудничавших с Абвером (а позднее во все больших масштабах — с СД РСХА). Немецкими разведчиками были получены многие важные сведения о группировке советских войск в приграничной полосе, об особенностях театра военных действий. В первом квартале 1941 г. число задержанных на западной границе увеличилось по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года в 5 раз; при этом на важнейших операционных направлениях оно возросло в 10–12 раз²⁷. Очевидно, что такая интенсификация разведдеятельности в 1941 г. должна была бы послужить еще одним важным признаком подготовки нападения на СССР.

К началу военных действий против Советского Союза Абвером был уже накоплен значительный опыт разведывательно-диверсионной деятельности во время кампаний против Польши в 1939 г. и против Франции и ее союзников в 1940 г. В Польше активно работал батальон «Эббингхаус». Действия диверсантов были вне законов и обычаев войны: одна из основных задач таких групп состояла в том, чтобы способствовать обеспечению тактической и оперативной внезапности для следующих за ними частей, соединений и объединений. У Маастрихта и Геннепа (Голландия, 1940 г.) впервые было осуществлено прямое тактическое взаимодействие диверсантов и войск²⁸.

Летом 1941 г. диверсионные группы Абвера помимо захвата неповрежденными десятков мостов создавали плацдармы, препятствовали эвакуации и уничтожению секретной документации советских военных и гражданских учреждений. Захват мостов обеспечивал необходимые темпы продвижения ударных группировок вермахта в соответствии с планами блицкрига²⁹. Физически уничтожались

---

²⁶ См. показания бывшего начальника отдела «Абвер-1» генерал-лейтенанта Г. Пиккенброка на Нюрнбергском процессе (Нюрнбергский процесс. Т. 2. М.: Юриздат, 1955. С. 647).

²⁷ Хорьков А.Г. Накануне грозных событий // Военно-исторический журнал. 1988. № 5. С. 45.

²⁸ Бовал В. Нацистское диверсионное подразделение «Бранденбург-800» // Военное обозрение. 20.01.2014. Доступ: <http://topwar.ru/38581-nacistskoe-diversionnoe-podrazdelenie-brandenburg-800.html> (дата обращения: 05.09.2014).

²⁹ Там же.

командиры и политработники Красной армии. До подхода основных сил 29–30 июня 1941 г. диверсантами был захвачен Львов (1-й батальон полка «Бранденбург-800» и усиленная рота батальона украинских националистов «Нахтигаль» («Соловей»))³⁰. По спискам, составленным агентами краковского отделения Абвера, айнзатцкоманды СД совместно с батальоном «Соловей» сразу же начали массовое уничтожение еврейского населения Львова³¹. Диверсанты «Бранденбурга-800» осуществили ночное десантирование со сверхмалой высоты (50 м) между Лидой и Первомайским. Они захватили и в течение двух суток удерживали железнодорожный мост на линии Лида–Молодечно до подхода германской танковой дивизии³². Немецкий историк Юлиус Мадер в своем исследовании приводит и много других подобных операций разведывательно-диверсионных групп Абвера [Мадер, 1994]. Им уже в первый день войны удалось повредить линии телефонно-телеграфной связи на глубину до 400 км, что затрудняло управление как на стратегическом, так и на оперативно-тактическом уровне. В течение первого дня войны руководство страны, Генеральный штаб из-за нарушения связи в звене от дивизии до фронта не имели адекватной информации о развивавшихся событиях. Г.К. Жуков, будучи в то время начальником Генерального штаба РККА, отмечал, что в силу этих факторов высшее командование Красной армии не представляло тогда всей сложности ситуации³³. В результате войскам следовали указания, только усугублявшие их положение.

* * *

Что касается деятельности германской стратегической разведки (как военной («Абвер-1»), так и политической, которой занималось VI управление РСХА), то применительно к теме блицкрига они требуют особого рассмотрения. По имеющимся на сегодняшний день данным успехи германской стратегической разведки в отношении СССР в целом были незначительными, что вело, в частности, к недооценке промышленного потенциала Советского Союза и мобилизационных возможностей Красной армии. Во многом это было и следствием жесткого контрразведывательного режима на территории СССР, беспрецедентной цензуры печати. Например, Г. Гиммлер в сводном докладе 1938 г. о положении в Советском

---

³⁰ Мадер Ю. Абвер: щит и меч Третьего рейха / Пер. с нем. Ростов: Феникс, 1994. Доступ: militera.lib.ru/research/mader (дата обращения: 20.01.2014).

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Великая Отечественная война. 1941–1945: В 12 т. Т. 7. Экономика и оружие войны. М.: Кучково поле, 2013. С. 486.

Союзе, жалуясь на то, что «общие работы, из которых можно сделать выводы о состоянии производства, крайне редки», пытался дать оценку оборонной промышленности СССР по переработанной стенограмме выступления наркома оборонной промышленности М.М. Кагановича³⁴.

Играло свою роль и то, что в разведдеятельности гитлеровских спецслужб ставка делалась прежде всего на получение информации, необходимой для ведения «молниеносной войны».

Генерал вермахта Курт Типпельскирх в своей послевоенной «Истории Второй мировой войны» писал, что определить хотя бы приблизительно военную мощь Советского Союза было почти невозможно [Типпельскирх, 1956: 172]. По его словам, «на протяжении двадцати лет Советский Союз, отгородившийся уже тогда железным занавесом от остального мира, жил своей особой жизнью» [Типпельскирх, 1956: 172]. В результате «в таких решающих областях, как, например, транспорт и военная промышленность, возможности русских сильно недооценивались. Техническая оснащенность армии оставалась тайной...» [Типпельскирх, 1956: 172].

Генерал-майор вермахта фон Бутлар в своем послевоенном исследовании по заданию командования армии США отмечал: «Особые условия, существовавшие в России, сильно мешали добыванию разведывательных данных относительно военного потенциала Советского Союза, и потому эти данные были далеко не полными. Исключительно умелая маскировка русскими всего, что относится к их армии, а также строгий контроль за иностранцами, отсутствие в их прессе всяких дискуссий о военном бюджете и невозможность организации широкой сети шпионажа затруднили проверку тех немногих сведений, которые удавалось собрать разведчикам. Нередко русские официальные круги преднамеренно распространяли ложные сведения с целью ввести иностранные разведки в заблуждение. <...> Только русско-финская война 1939–1940 годов дала возможность получить некоторые более полные данные. Однако и из этих данных немцами было сделано много неправильных выводов»³⁵. По словам фон Бутлара, «если русская военная промышленность и транспорт были оценены значительно ниже их воз-

---

³⁴ Доклад рейхсфюрера СС Г. Гимmlера о положении в Советском Союзе 1 ноября 1938 г. Опубликовано в бюллетене «Политический архив Министерства иностранных дел. R 101380. № 2. 1 ноября 1938 г. // Politisches Archiv Auswärtiges Amt BRD — Политический архив МИД Германии, Берлин (далее — РА АА). R 101380 (36 страниц пронумерованного в архиве текста).

³⁵ Генерал-майор фон Бутлар. Война в России // Мировая война. 1939–1945. М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2000. С. 281.

возможностей, то численность и боеспособность русской армии были определены сравнительно точно»³⁶.

Неприятной неожиданностью для германских сухопутных войск стало появление на поле боя таких новейших советских танков, как Т-34, КВ-1, КВ-2, с которыми не могли вступать в единоборство немецкие танки того периода и против которых была бессильна противотанковая артиллерия вермахта. Бригаден-фюрер СС Вальтер Шелленберг, руководитель политической разведки Третьего рейха, в своих мемуарах писал о том, что его разведслужба, в отличие от Абвера, предполагала наличие у Красной армии новейших танков, подобных Т-34, — на основе анализа тех вопросов, которые задавали советские военные специалисты при посещении немецких танковых заводов и танковых училищ перед началом войны против СССР³⁷. По данным В. Шелленберга, в Советском Союзе также производилось гораздо больше танков, чем считала военная разведка во главе с адмиралом Вильгельмом Канарисом³⁸. В Шелленберг писал, что если получаемый его разведкой материал противоречил «основному замыслу» высших чинов вермахта, то «они просто не принимали его во внимание», что же касается высшего руководства, то «с ним дело обстояло еще хуже»³⁹.

Впрочем, В. Шелленберг не приводил никаких доказательств того, что его разведслужбой на самом деле были получены подобные сведения. Нельзя не предположить, что все это было им написано постфактум для демонстрации своих успехов, которых, было на самом деле немного, в том числе даже по сравнению с Абвером. Сказывалось, в частности, то, что VI отдел РСХА (Аусланд СД) В. Шелленберга был довольно молодой спецслужбой по сравнению с военной разведкой, существовавшей в рамках прусского, а затем германского Генштаба на протяжении нескольких поколений.

У немецкого командования были довольно обширные сведения о другой бронетехнике Красной армии (в первую очередь благодаря информации, полученной от союзников-финнов). Многие были известны немецкой разведке не только об устаревших типах советских самолетов на вооружении РККА, но и о некоторых новейших образцах, незадолго до начала гитлеровского вторжения в СССР показанных немецким офицерам по указанию И.В. Сталина в целях, видимо, демонстрации реальной мощи советских вооруженных сил как способа сдерживания вермахта от агрессии против

---

³⁶ Там же.

³⁷ Шелленберг В. Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика / Пер. с англ. М.: Дом Бируни, 1991. С. 188.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. С. 189.

Советского Союза. Значительный интерес представляют оценки технической оснащенности Красной армии, состояния отдельных родов войск высшим немецким командованием на основе данных разведслужб вермахта. Так, Ф. Гальдер в своем дневнике 22 февраля 1941 г. (по докладу генерала Р. Конрада) представил следующую обобщенную оценку авиационной техники советских ВВС: «Штурмовики, большей частью устаревших марок, взаимодействуют с подвижными войсками. Имеется 100–200 штурмовиков новейших типов (скорость — 380 км/час; радиус действия — 700 км; вооружение — только пулеметы; впереди — четыре неподвижных пулемета). Истребители типа И-16 — хорошие. По вооружению уступают немецким истребителям (опыт Испании), в скорости — уступают не намного. Строятся машины новых типов. В 1941 г., очевидно, они еще не будут выпущены. Бомбардировщики: 2/3 — хорошие: СБ-1 и ДБ-3 имеют радиус действия 600 км и приспособлены для действий ночью и при плохой погоде»⁴⁰.

А. Кессельринг отмечал, что из докладов специалистов люфтваффе, побывавших перед войной в СССР, ему стало известно о «гигантской программе наращивания военно-промышленного потенциала и производства вооружений, которую русские начали осуществлять и за которой в скором времени мы оказались бы неспособны угнаться»⁴¹. А. Кессельринг писал, что, «к сожалению, Геринг и Гитлер сочли эти доклады плодами чересчур разыгравшего воображения»⁴². Ф. Гальдер также, очевидно, ошибался, считая, что истребители новых типов в ВВС РККА в 1941 г. еще, скорее всего, не появятся. Известно, что к 22 июня 1941 г. таких машин было выпущено советской авиапромышленностью уже довольно большое число, однако, как правило, на обучение пилотов для этих самолетов уже почти не оставалось времени.

Боевую подготовку ВВС РККА Ф. Гальдер оценивал следующим образом: «Истребители и бомбардировщики в составе соединений действуют хорошо. Сильная зависимость от ведущего. Обученность слепому полету и действиям в условиях плохой погоды — недостаточная. <...> Взаимодействие истребителей и бомбардировщиков отработано недостаточно»⁴³. Весьма адекватно начальник германского Генштаба писал о руководстве советскими ВВС: «Руководство авиацией — твердое и решительное, но не обученное новейшей тактике; в своих действиях схематично и недостаточно гибко»⁴⁴.

---

⁴⁰ Гальдер Ф. Указ. соч. С. 449.

⁴¹ Кессельринг А. Указ. соч. С. 125.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. С. 450.

⁴⁴ Там же.

Относительно системы связи ВВС РККА и системы технического и тылового обеспечения он делал следующие выводы: «Войск связи ВВС в нашем смысле нет. Только радиосвязь: радиопереговоры в критические моменты ведутся открытым текстом. Наземная организация громоздка. Крупные наземные технические части приданы авиасоединениям. Обеспеченность запасами, по-видимому, плохая. Предположительные действия. Требуется длительное время для подготовки⁴⁵. При полетах самолеты будут находиться под наблюдением [немецкой радиоразведки. — А.К.]»⁴⁶.

Много внимания разведслужбы вермахта уделяли оценке командного состава Красной армии на всех уровнях. Этим, в частности, активно занимался военный атташе Германии в СССР генерал Эрнст Кёстринг. Те сведения, которые ему удалось добыть, послужили основой для весьма низкой оценки качества командиров РККА: Э. Кёстринг считал, что оно ниже в 1941 г., чем было в 1935 г. Вспомним, что предвоенный период характеризовался быстрым ростом численности Красной армии и острейшим дефицитом квалифицированных командных кадров практически на всех уровнях.

Одним из поводов для такой оценки (ее разделяли многие высшие военные чины Третьего рейха и сам А. Гитлер) была советско-финская война 1940 г., в ходе которой Красная армия, серьезнейшим образом ослабленная репрессиями и чистками предыдущих лет (особенно 1937–1938 гг.), показала низкую боеспособность. Такой авторитетнейший человек, как Маршал Советского Союза А.М. Василевский, в беседе с К. Симоновым сказал: «Финская война была для нас большим срамом и создала о нашей армии глубоко неблагоприятные впечатления за рубежом, да и внутри страны»⁴⁷.

А.М. Василевскому принадлежит и другое заслуживающее внимания высказывание: «Без тридцать седьмого года, возможно, и не было бы вообще войны в сорок первом году»⁴⁸. По его мнению, «в том, что Гитлер решил начать войну в сорок первом году,

---

⁴⁵ По-видимому, речь шла о длительности подготовки самолетов частей ВВС РККА к боевым вылетам, что снижало интенсивность применения одних и тех же самолетов. Ряд новейших отечественных исследований показывают, что по интенсивности боевых вылетов в начальный период Великой Отечественной войны люфтваффе многократно превосходило подавляющее большинство частей ВВС РККА, и это было одним из важнейших факторов, которые повлияли на завоевание немцами ВВС господства в воздухе.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Беседа с Маршалом Советского Союза А.М. Василевским // Симонов К. Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине. М.: АПН, 1980. С. 444.

⁴⁸ Там же. С. 446.

большую роль сыграла оценка той степени разгрома военных кадров, которая у нас произошла. <...> Да что говорить, когда в тридцать девятом году мне пришлось быть в комиссии во время передачи Ленинградского военного округа от Хозина Мерецкову, был ряд дивизий, которыми командовали капитаны, потому что все, кто был выше, были поголовно арестованы»⁴⁹.

* * *

При подготовке нападения Германии на СССР разведслужбами Третьего рейха было получено немало ценных сведений, которые были использованы гитлеровскими войсками для достижения крупных оперативных и стратегических результатов на начальном этапе войны. Усилия немецких разведслужб были прежде всего нацелены на обеспечение скоротечной победоносной войны — блицкрига.

Что касается фундаментальных оценок способности партийно-государственного руководства СССР и высшего военного командования Красной армии оказать эффективное сопротивление агрессору, оценок советского промышленного потенциала, мобилизационных возможностей нашей страны, то в этом отношении была совсем иная картина. И дело было не только в неспособности военной и политической разведки Третьего рейха получить соответствующие данные: необходимо иметь в виду общее высокоидеологизированное отношение А. Гитлера и его окружения к Советскому Союзу, который они называли «глиняным колоссом без головы», расистский и антикоммунистический характер нацистской идеологии. Такого рода идеологизированность установок руководителей Третьего рейха деформировала и политическую, и военно-стратегическую логику поведения Германии, вела к колоссальным просчетам. Эти установки влияли и на интерпретацию разведоченок, развединформации, даже когда те заставляли думать о значительных военных возможностях СССР, не суливших легкой победы. Такие просчеты, как известно, обернулись крупным поражением вермахта под Москвой в декабре 1941 г. и в целом разгромом нацистской Германии во Второй мировой войне с решающим вкладом в этот разгром Советского Союза и Красной армии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 1941 год — уроки и выводы: Генеральный штаб Объединенных вооруженных сил СНГ. М.: Воениздат, 1992.

---

⁴⁹ Там же. С. 446–447.

2. Абжаген К.Х. Адмирал Канарис / Пер. с нем. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998.
3. Анин Б.Ю. Радиоэлектронный шпионаж. М.: Центрполиграф, 2000.
4. Арази Д. Немецкая военная радиоразведка во Второй мировой войне // Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. М.: Весь мир, 1997.
5. Борисов Ю. Самолет-разведчик Фокке-Вульф FW189 «Рама». М.: Цейхгауз, 2007.
6. Бутырский Л.С., Ларин Д.А., Шанкин Г.П. Криптографический фронт Великой Отечественной. 2-е изд. М.: Глиос ЛРВ, 2013.
7. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. Т. 2. Происхождение и начало войны. М.: Кучково поле, 2012.
8. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. Т. 6. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М.: Кучково поле, 2013.
9. Великая Отечественная война. 1941–1945 годов: В 12 т. Т. 7. Экономика и оружие войны. М.: Кучково поле, 2013.
10. Йоргенсен К. Гитлеровская машина шпионажа. Военная и политическая разведка Третьего рейха. М.: ЗАО Центрполиграф, 2012.
11. Кокошин А.А. Армия и политика. Эволюция советской военно-политической и военно-стратегической мысли, 1918–1991 годы. М.: Международные отношения, 1995.
12. Кокошин А.А. Выдающийся отечественный военный теоретик и военачальник Александр Андреевич Свечин. О его жизни, идеях, трудах и наследии для настоящего и будущего. М.: Издательство Московского университета, 2013.
13. Кокошин А.А. Исторические корни блицкрига // Вопросы истории. 2014. № 5. С. 3–29.
14. Кокошин А.А., Ларионов В.В. Курская битва в свете современной оборонительной доктрины // Мировая экономика и международные отношения. 1987. № 8. С. 32–40.
15. Лузан Н. Лубянка. Подвиги и трагедия. М.: СВР-медиапроекты, 2014.
16. Мадер Ю. Абвер: щит и меч Третьего рейха / Пер. с нем. Ростов-на-Дону: Феникс, 1994.
17. Миддельдорф Э. Русская кампания. Тактика и вооружение / Пер. с нем. М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2001.
18. Павлов В. Трагедии советской разведки. М.: Центрполиграф, 2000.
19. Проэктор Д.М. Агрессия и катастрофа. Высшее военное руководство фашистской Германии во Второй мировой войне. 1939–1945. М.: Наука, 1972.
20. Соболев Д.А. История самолетов. 1919–1945. М.: РОССПЭН, 1997.
21. Типпельскирх К. История Второй мировой войны. М., 1956.
22. Хазанов Д.Б. 1941. Война в воздухе. Горькие уроки. М.: Яуза; ЭКСМО, 2006.
23. Хорьков А.Г. Накануне грозных событий // Военно-исторический журнал. 1988. № 5. С. 42–49.

24. Höhne H. The Order of the Death Head. The story of Hitler's SS. N.Y.: Coward-McCann, 1970.

25. May E.R. Strange victory: Hitler's conquest of France. New York: Hill and Wang, 2000.

26. Messersmidt M. German military effectiveness between 1919 and 1939 // Military effectiveness / Ed. by A.R. Millett, W. Murray. Boston: Allen and Unwin, 1988.

27. Müller R-D. Enemy in the East. Hitler's secret plans to invade the Soviet Union. London; New York: L.B. Tauris, 2015.

A.A. Kokoshin

NAZI GERMANY'S INTELLIGENCE AND SUBVERSIVE OPERATIONS IN THE WAKE OF THE ATTACK ON THE SOVIET UNION

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The 70th anniversary of the end of the World War II has reignited the debates on its origins, substance and outcomes. These discussions, especially in political quarters and mass media, are marked by a distinctive ideological bias. Revisionist attempts to rewrite the history of the main conflict of the 20th century and the role played by the Soviet Union are becoming more and more frequent. This paper examines a relatively understudied aspect of the Nazi Germany's preparations for war against the Soviet Union — the intelligence and subversive operations of German secret services. The paper introduces a number of previously unpublished documents from Russian and German archives. The author examines the intelligence operations of the Wehrmacht and the Abwehr and emphasizes several factors which determined a high efficiency of the German tactical and operational intelligence: a wide use of technological innovations; a large number of professional cryptologists and analysts; well established mechanisms of interaction between intelligence and military forces. However, the author stresses that because of German military planners' general focus on blitzkrieg, a surprise attack on the Soviet Union and a swift victory over the Red Army, strategic intelligence received little attention. This fact, as well as the ideologically biased attitude of Hitler and his advisors towards the Soviet Union resulted in a fatal underestimation of the Soviet military, industrial and economic capacities. All these miscalculations led to a debacle of the German army during the Great Patriotic War and the collapse of the Nazi Germany.

Keywords: Germany, Third Reich, Soviet Union, Great Patriotic War, World War II, intelligence, air intelligence, radio intelligence, strategic intelligence, reconnaissance operations, Abwehr, grand tactics, strategy.

About the author: *Andrei A. Kokoshin* — Member of the Russian Academy of Sciences, Member of the Russian Academy of Missile and Artillery Sciences,

Doctor of Sciences (History), Professor, Dean of School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: from-kokoshin@yandex.ru).

Acknowledgements: This work has been accomplished with the financial support of the Russian Foundation for Humanities, research project № 14-31-12089 ‘Political and strategic underpinnings of the Third Reich planning against the USSR’.

REFERENCES

1. *1941 god — uroki i vyvody: General’nyi shtab Ob’edinennykh vooruzhennykh sil SNG* [1941 — lessons and implications: General Staff of the Joint Armed Forces of the Commonwealth of Independent States]. 1992. Moscow, Voenizdat Publ. (In Russ.)
2. Abzhagen K.Kh. 1998. *Admiral Kanaris* [Admiral Canaris]. Rostov-on-Don, Feniks Publ. (In Russ.)
3. Anin B.Yu. 2000. *Radioelektronnyi shpionazh* [Radioelectronic espionage]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ. (In Russ.)
4. Arazi D. 1997. Nemetskaya voennaya radiorazvedka vo Vtoroi mirovoi voine [German military radio intelligence in World War II]. In *Vtoraya mirovaya voina. Diskussii. Osnovnye tendentsii. Rezul’taty issledovaniia* [World War II. Debates. Key tendencies. Findings]. Moscow, Ves’ mir Publ. (In Russ.)
5. Borisov Yu. 2007. *Samolet-razvedchik Foke-Vul’f FW189 ‘Rama’* [Focke-Wulf Fw 189 reconnaissance aircraft]. Moscow, Tseikhgauz Publ. (In Russ.)
6. Butyrskii L.S., Larin D.A., Shankin G.P. 2013. *Kriptograficheskii front Velikoi Otechestvennoi* [Cryptographic front of the Great Patriotic War]. Moscow, Glios LRV Publ. (In Russ.)
7. *Velikaya Otechestvennaya voina 1941–1945 godov: V 12 t. T. 2. Proiskhozhdenie i nachalo voiny* [Great Patriotic War, 1941–1945. In 12 vol. Vol. 2. The origins and the beginning of the war]. 2012. Moscow, Kuchkovo pole Publ. (In Russ.)
8. *Velikaya Otechestvennaya voina 1941–1945 godov: V 12 t. T. 6. Tainaya voina. Razvedka i kontrrazvedka v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Great Patriotic War, 1941–1945. In 12 vol. Vol. 6. Secret war. Intelligence and counterintelligence during the Great Patriotic War]. 2013. Moscow, Kuchkovo pole Publ. (In Russ.)
9. *Velikaya Otechestvennaya voina 1941–1945 godov: V 12 t. T. 7. Ekonomika i oruzhie voiny* [Great Patriotic War, 1941–1945. In 12 vol. Vol. 7. Economics and weapons]. 2013. Moscow, Kuchkovo pole Publ. (In Russ.)
10. Jorgensen C. 2004. *Hitler’s espionage machine: German intelligence agencies and operations during World War II*. Staplehurst, UK, Spellmount [Russ. ed.: Iorgensen K. 2012. *Gitlerovskaya mashina shpionazha. Voennaya i politicheskaya razvedka Tre’ego reikha*. Moscow, ZAO Tsentrpoligraf Publ.].
11. Kokoshin A.A. 1995. *Armiya i politika. Sovetskaya voenno-politicheskaya i voenno-strategicheskaya mysl’, 1918–1991 gody* [Army and politics. Soviet political-military and strategic thought, 1918–1991]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (In Russ.)

12. Kokoshin A.A. 2013. *Vydayushchiisya otechestvennyi voennii teoretik i voenachal'nik Aleksandr Andreevich Svechin. O ego zhizni, ideyakh, trudakh nasledii dlya nastoyashchego i budushchego* [Outstanding Russian military theorist and commander Aleksandr Andreevich Svechin: his life journey, ideas, writings, and legacy for present and future generations]. Moscow, Moscow University Press. (In Russ.)

13. Kokoshin A.A. 2014. Istoricheskie korni blitzkriga [Historical roots of blitzkrieg]. *Voprosy istorii*, no. 5, pp. 3–29. (In Russ.)

14. Kokoshin A.A., Larionov V.V. 1987. Kurskaya bitva v svete sovremennoi oboronitel'noi doktriny [Battle of Kursk in the light of contemporary defense doctrine]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 8, pp. 32–40. (In Russ.)

15. Luzan N. 2014. *Lubyanka. Podvigi i tragediya* [Lubyanka. Heroism and tragedy]. Moscow, SVR-mediaproekty Publ. (In Russ.)

16. Mader Y. 1994. *Abver: shchit i mech Tret'ego reikha* [Abwehr: shield and sword of the Third Reich]. Rostov-on-Don, Feniks Publ. (In Russ.)

17. Middel'dorf E. 2001. *Russkaya kampaniya. Taktika i vooruzhenie* [Russian campaign. Tactics and weapons]. Moscow, St. Petersburg, AST Publ., Poligon Publ. (In Russ.)

18. Pavlov V. 2000. *Tragedii sovetskoi razvedki* [Tragedies of the Soviet intelligence]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ. (In Russ.)

19. Proektor D.M. 1972. *Agressiya i katastrofa* [Aggression and disaster]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

20. Sobolev D.A. 1956. *Istoriya samoletov 1919–1945* [History of airplanes, 1919–1945]. Moscow, ROSSPEN Publ. (In Russ.)

21. Tippelskirch K.V. 1951. *Geschichte des Zweiten Weltkriegs*. Bonn, Athenäum-Verlag [Russ. ed.: Toppel'skirkh K. 1956. *Istoriya Vtoroi mirovoi voiny*. Moscow].

22. Khazanov D.B. 2006. *1941. Voina v vozdukh. Gor'kie uroki* [1941. Air warfare. Bitter lessons]. Moscow, Yauza Publ; EKSMO Publ. (In Russ.)

23. Khor'kov A.G. 1988. Nakanune groznykh sobytii [On the eve of the terrible events]. *Voenno-istoricheskii zhurnal*, no. 5, pp. 42–49. (In Russ.)

24. Höhne H. 1970. *The Order of the Death Head. The story of Hitler's SS*. New York, Coward-McCann.

25. Müller R-D. 2015. *Enemy in the East. Hitler's secret plans to invade the Soviet Union*. London, New York, L.B. Tauris,

26. May E.R. 2000. *Strange victory: Hitler's conquest of France*. New York, Hill and Wang.

27. Messershmidt M. 1988. German military effectiveness between 1919 and 1939. In Millett A.R., Murrey W. *Military effectiveness*. Boston, Allen and Unwin.